

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ДВА ПЛЮС ДВА

Две грустные комедии для двух актрис и двух актеров

г. Екатеринбург
2010 год

КЛИН-ОБОЗ

Пьеса в одном действии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ИРИНА – 50 лет

НАТАЛЬЯ – 50 лет

Деревенский дом на краю села. Наши дни.

Зима, декабрь. Маленький домик на окраине села. Одно единственное окно в комнате. Вот такой вот игрушечный домик - в одну комнатку, в которой и печь, и кровать, и умывальник, и шкафчик с посудой уместились. Тесно. Посредине комнаты стол. На окне два горшка цветов – в одном герань, в другом - алоэ. На стене ковер – «Мишки в сосновом лесу». У двери умывальник, рядом зеркало, потом – вешалка. На вешалке – какая-то одежда, прикрытая тряпкой, висит. Еще газовая плита стоит – большой красный газовый баллон с краном в углу и от него к плите шланг тянется. В газовой плите разбито стекло в духовке и вместо стекла – портрет Аллы Пугачевой, вырезанный из какого-то журнала. Швейная машинка - на полу. Стиральная машинка «Малютка» тут же, рядом. Будильник большой на столе громко тикает. Над окном, над дверью, над газовой плитой, на печке, везде-везде на стенах – крестики небольшие углём нарисованы. Их почти не видно, но они есть. За окном снег идет. У дома стоит большая железная антенна, ветер воет занудно, нескончаемо в ее трубочках. Наталья (она в халате, в вязаных носках) сидит за столом, слушает Ирину – молодящуюся городскую бабёнку лет 50-ти. Наталье столько же лет. Наталья букву «ё» в словах не произносит. Ирина в валенках расшитых, в цветном платке, вся такая под русскую работает. Полушубок у нее расшит узорами. Она русская писательница, очень за русский народ переживает и это во всём видно.

ИРИНА. Я ни к чему вас не обязываю, Наташа. Что вы! Упаси Господь Бог! (*Широко перекрестилась на икону*). Как хорошо, что у вас икона в углу, как по-русски это! Так вот, просто присмотрите за домом, Наташа. Он ведь напротив, наискосок. Просто иногда от нечего делать выгляните в окошко: а стоит ли дом Ирины – меня Ирина зовут, я сказала? Ну вот, гляньте: а на месте ли он, а не украли ли его, а не убежал ли он куда по дорожке на одной ножке? (*Смеётся*). Шутка!

НАТАЛЬЯ (*улыбается, скривив губы*). Дак у меня одно окно. Я в него все время гляжу. Утром встану – гляжу, вечером – гляжу. И днем гляжу. А-а, нет, наврала, нет – два окна у меня. Одно – телевизор, другое – вот это. Телевизор – окно в мир, говорят, ага? Так говорят. Ну и я так скажу. (*Смеется*).

ИРИНА. О, Наташа, не надо смотреть телевизор! Ну, зачем вы?! Это зомбо-ящик! Он превращает русский народ в быдло! Выкиньте, вынесите немедленно на мороз, на улицу, на снег! Хотите, я помогу вам, прямо сейчас?

НАТАЛЬЯ. Чего? Телевизор на улицу? Я не поняла?

ИРИНА. Ладно, не всё сразу.

НАТАЛЬЯ. Нет, я не поняла, чего надо? Вы смеетесь надо мной?

ИРИНА. Не важно. Потом как-нибудь. А вы, Наташа, никогда не произносите букву «ё» в словах? Это тут у вас такой русский говор, да? Как интересно! Никогда не слышала, следует записать! (*Садится, не раздеваясь, к столу, достает из сумки записную книжку, пишет*). «Есть селения, где буква «ё» не произносится в словах». Простите, я писатель – так не люблю слово писательница! – мне надо всегда фиксировать всё в записной книжке. Но я не смогу вам платить.

НАТАЛЬЯ. А?

ИРИНА. За то, что вы будете следить за домом, я не смогу вам платить.

НАТАЛЬЯ. За что?

ИРИНА. Ну, за этот вот, выражаясь по-вашему, за пригляд. (*Смеется*). Хоть бы чаем угостили.

НАТАЛЬЯ. Дак вы меня в сторожа нанимаете, что ли?

ИРИНА. То-то и оно, что не нанимаю.

НАТАЛЬЯ. А чего тогда вам от меня надо?

ИРИНА. Ну, какая вы, Наташа, простая. Простецкая, я бы даже сказала. Жарко у вас, натоплено. Фу! *(Встала, стоит, записной книжкой обмахивается)*. Хотя понятно – зомбо-ящик. Воспитание такое.

НАТАЛЬЯ. Дак чего надо-то?

ИРИНА. Ох, тяжело в деревне без нагана. *(Смеётся)*. Вы очень, очень гостеприимны. Я на грани срыва, едва жива с этой покупкой дома, с этим убеганием от города, от всей жизни. А вы так вот, запросто, Наташа. Ну, что сказать. Сказать нечего.

НАТАЛЬЯ. Женщина, дак вы чего хотите от меня?

ИРИНА. Ясно. Она поняла, что торг уместен.

НАТАЛЬЯ. Чего?

ИРИНА. Я не смогу вам платить!

НАТАЛЬЯ. За что?

ИРИНА. За пригляд! Пригляд! Пригляд!

НАТАЛЬЯ. Я не поняла. Вы чего пришли, женщина? Вам, может, картошки нужно продать? Дак у меня есть в погребе. Слазить с ведром?

ИРИНА. Да не нужно мне картошки продать. Ничего уже от вас не нужно. Ну что за люди, а? Им за всё платить надо. Еще и «ё» не говорит, а туда же. Как вы живете, кошмар какой-то. Тоска. Удавиться можно. До свидания. До лета.

НАТАЛЬЯ. Ну, до свидания, раз так ...

Ирина пошла в двери, впустила из сеней в дом белое облако холодного воздуха. Наталья улыбается, сидя на кровати.

Потом поправила волосы у зеркала, выглянула в окошко, смотрит, как Ирина идет, проваливаясь валенками в снег, в дом напротив, в котором ставни закрыты.

Наталья зевнула, перекрестилась, легла на кровать. Взяла пульт, включила телевизор. Смотрит. По телевизору какая-то стрельба.

Дверь открывается. В дом снова входит Ирина, подходит к лежащей на кровати Наталье, вырывает у нее из рук пульт, выключает телевизор, начинает кричать:

ИРИНА. Я не могу так уйти!

НАТАЛЬЯ *(вскочила, села, глаза таращит)*. Господи, Господи, да что ж я не закрылась на шеколду-то?! Чего, чего тебе, чего пугаешь?!

ИРИНА. Я не могу так уйти! До города сто сорок километров, я буду ехать и думать про наши разорванные взаимоотношения!

НАТАЛЬЯ. Какие взаимоотношения?! Я тебя в первый раз вижу!

ИРИНА. Не тыкайте мне, Наташа! Я ведь с тобой на «вы»! Поймите, Наталья, теперь мы будем видеться часто, ежедневно! На этой улице в конце деревни только два дома – ваш и мой! Я специально выбрала такой, чтобы ничто не мешало моему творчеству! Так и вы не мешайте же мне. Прошу, прошу, умоляю о пощаде! Не губите меня ненавистью! Мы -русские женщины, мы должны жить дружно, рожать детей, воспитывать их на благо общества!

НАТАЛЬЯ. Каких детей?! Ты про что?! Вы про что?!

ИРИНА. Таких детей! Летом я тут буду постоянно, зимой – наездами, я так решила. Мы стали соседи, вот как складывается жизнь! Мы были абсолютно незнакомы, а теперь – знакомы! Я хочу вдунуть немножко огня в вашу скучную, размеренную и никому не нужную жизнь!

НАТАЛЬЯ. Куда вдунуть? Кому вдунуть? Какого огня?!

ИРИНА. Ну, чтоб вы жили со смыслом, а не так, как вы сейчас живёте!

НАТАЛЬЯ. А как я живу?!

ИРИНА. Глупо и бездарно! Никаких происшествий! Сидите и смотрите ящик! Зачем?! Для чего?! Осмыслите жизнь свою!

НАТАЛЬЯ. Я чего-то не того, женщина ... Ирина вы, да? Я чего не так сделала? Чего надо вам, чего?!

ИРИНА. Ну, я же вам говорю, Наташа! Я буквально вчера купила этот дом, что напротив вас, под дачу купила, сегодня получила ключи и на попутках, на попутках, автостопом поехала сюда и сразу же пошла к вам, а не куда-то, пришла к соседям, знакомиться!

Молчание.

НАТАЛЬЯ. Ну?

ИРИНА. Баранки гну. Я говорю: здарсьте!

НАТАЛЬЯ. Здарсьте.

ИРИНА. Я ваша соседка.

НАТАЛЬЯ. Ну?

ИРИНА. Я соседка ваша! Ваша!

НАТАЛЬЯ. Ну и чего мне теперь?

ИРИНА. Ну, понимаю, вы живете тут постоянно в деревне, вы местная, а я – городская дурочка, я понимаю ваше ко мне отношение ...

НАТАЛЬЯ. Да какое отношение?!

ИРИНА. А, чёрт! Повезло же! (*Пауза*). Здесь есть работа? Вы где-то работаете?

НАТАЛЬЯ. Нигде я не работаю. Нету тут работы.

ИРИНА. Ну, а на что вы живёте?

НАТАЛЬЯ. Ну, вот продам чего с огорода, так и живу. До трассы десять километров, иду туда. Стою, продаю. Зимой картошку не потащишь, померзнет, а банки какие если с вареньем или с соленьем, дак я на саночки, куфайкой укутаю – и иду туда. Там много машин, покупают чего никак.

Молчание.

ИРИНА. «Куфайкой»?

НАТАЛЬЯ. Куфайкой.

ИРИНА. «Померзнет», значит?

НАТАЛЬЯ. Померзнет.

ИРИНА. Боже, какая скука. И тут вообще ничего не происходит?

НАТАЛЬЯ. Ничего.

ИРИНА. Вообще-вообще? Нет, для меня это очень хорошо, я очень рада, что так. Но для вас, я хочу вас спасти, вам нужны эмоции, вы совершенно замороженная, вы хоть плакать должны или чему-то смеяться!

НАТАЛЬЯ. Зачем мне плакать? Чего смеяться? Вон по телику смешно, смеюсь смотрю.

ИРИНА. Боже, Боже! А где ваш муж? Он у вас есть?

НАТАЛЬЯ. Нету сейчас.

ИРИНА. А где он?

Молчание.

НАТАЛЬЯ. Ну, где – понятно. Все мужики ясно - где.

ИРИНА. Да где, чёрт побери?!

НАТАЛЬЯ. На цугундере.

ИРИНА. Что это?

НАТАЛЬЯ. В тюрьме сидит. Еще два года ему. Пил, теленка украл, его посадили.

ИРИНА. Как его зовут?

НАТАЛЬЯ. А что?

ИРИНА. Как его зовут?!

НАТАЛЬЯ (помолчала). Митя. Митей. Митей его зовут.

ИРИНА (кричит). Дмитрий, значит? Бедная, бедная, несчастная! Пил? А ты – не пьющая?

НАТАЛЬЯ. Нет.

ИРИНА. Я понимаю. Совсем без эмоций. Даже рюмочку на ночь в пятницу, в конце рабочей недели, в пятницу-питницу не выпьет! И не сядет, и не покручинится у темного окошка о своей судьбе! Без эмоций всю жизнь! Несчастливая!

НАТАЛЬЯ. С чего я несчастная?

ИРИНА. Я понимаю!

Молчание.

НАТАЛЬЯ. Ладно, женщина, идите, а? Вас как – Ирина, да? Ну, и идите. У меня дел до фигища всяких.

ИРИНА. Какие у вас дела?

НАТАЛЬЯ. Ну, такие. Идите давайте.

ИРИНА. Стойте. Я хочу подарить вам книгу.

НАТАЛЬЯ. Зачем?

ИРИНА. Это моя книга. Последняя. Ну, понятно, что не совсем последняя. Я писулая. Я еще напишу, конечно, тут. Но эта – вам. Мне будет интересно ваше мнение.

Достала из сумки книгу в глянцевой обложке, подписала, протягивает Наталье. Наталья взяла книгу, пролистнула, смотрит на Ирину.

Я написала вам: «Побольше радости в жизни ...» Ведь её так мало, верно, Наталья? Ведь вам так хочется радости, эмоций, расторможенности, нет?

НАТАЛЬЯ. Ну да. Хочется. *(Пауза)*. Ну, давайте.

ИРИНА. Вы что, меня гоните?

НАТАЛЬЯ. Дак уже темнеет, пора уже. Да и что говорить?

ИРИНА. Что же, у соседей говорить не найдётся про что?

НАТАЛЬЯ. Дак про что?

ИРИНА. Мне сказали: купишь дом в деревне, сразу же иди знакомься с соседями, наладь с ними отношения, проверь их, а то и дом обворуют, а то и сожгут, если будешь с ними в плохих отношениях. Вот я и налаживаю.

НАТАЛЬЯ. Дак все равно обворуют. Парням у нас в деревне делать нечего, залезут, заберут все. По дачам осенью они, парни-то, лазют, потому что чем-то же им надо жить, питаться. Вот, что дачники оставили – забирают.

ИРИНА. А?

НАТАЛЬЯ. Так всегда было.

ИРИНА. Мне сказали, ты не дом покупай, а соседей. Что я и делаю!

НАТАЛЬЯ. Ну, поручкались – до свидания. Правда, женщина Ирина, идите, я тут посмотреть должна еще кое-что, идите ...

Легла на кровать, включила телевизор.

Ирина стоит, смотрит на Наталью.

Вдруг падает на колени, кричит:

ИРИНА. Ты не узнала меня, мама?!

Наталья вскочила, с ужасом смотрит на Ирину.

НАТАЛЬЯ. Кого?!

ИРИНА. Меня?!

НАТАЛЬЯ. Кого?!

ИРИНА. Меня, меня! Мама, это я, твоя доченька!

Молчание.

НАТАЛЬЯ. Кого тебе надо?!

ИРИНА. Доченька я, твоя доченька!

Молчание.

Наталья шарится по кровати, ищет что-то, в ужасе отшатывается, с ногами на кровать залезла.

НАТАЛЬЯ. Я милицию сейчас, я «Скорую» вот тебе, на тебя, я пожарных сейчас, я вот ...

Ирина встала с колен, смеётся.

ИРИНА. Ну вот. Замечательно. Какие-то хоть эмоции. Как вы встрепенулись! Приятно посмотреть. А то – просто болото. Скучно.

НАТАЛЬЯ. Тебе чего надо?!

ИРИНА. Я пошутила. Я проверила, как вы себя (*выделяет «ё»*) поведёте, если что-то произойдёт. А то ничего не происходит, тоска и скука.

НАТАЛЬЯ. Чего, чего тебе, Господи? Да это что ж такое, что за лихоманка такая, откуда она взялась?

ИРИНА. Наталья, ну перестаньте нервничать! Я вдруг представила себе такой замечательный сюжет: тут, в заснеженной Сибири, в этом маленьком домике на окраине деревни происходят удивительные, удивительнейшие происшествия! Почти индийский фильм! Да, да, я представляю. Сюжет такой, совершенно необычный: интеллигентная, богатая, интересная женщина купила дачу, пришла к соседке к своей, а та – ну полная амёба, такая прореха на теле человеческого, что называется, глупая, необразованная тетка. Живёт, небо коптит, несчастная. И вот приходит к ней та женщина и вдруг узнаёт в ней свою маму! Они потерялись когда-то, не важно, как это произошло, вдруг – нашлись, вдруг у них соединение произошло и такие начались жаркие эмоции, такое счастье! Счастье-то было возможно, оказывается, а?! Как бы они обрадовались, как бы целовались, как бы они начали праздновать, сидеть до утра и петь русские песни! И сколько любви возникло бы в этом маленьком тесном и тусклом домике! И как бы они стали нужны друг другу! Ведь нету любви, а вдруг она появилась бы! Я запишу это в записную книжку, такой любопытный сюжет. Возможно, я его реализую в ближайшем будущем, так хоть бы и вот в этом доме, что напротив! То есть, напишу эту историю, да! Да, первое, что напишу

– будет эта история!

Молчание.

Наталья стоит всё так же в шерстяных носках на кровати, смотрит с ужасом на Ирину.

Прекрасно! Прекрасно! Как это прекрасно!

Молчание.

Ирина села на пол, плачет.

Наталья слезла с кровати, подошла к Ирине, подняла ее с пола, сняла с неё шубу, усадила за стол.

Пошла за водой, накапала валерьянки в стакан, протянула Ирине. Та выпила. Плачет всё так же.

НАТАЛЬЯ. Тихо, тихо. Пей вот и сиди.

ИРИНА. Мне идти надо ...

НАТАЛЬЯ. Тихо, тихо. А то в снег упадешь и замерзнешь. Я думала, он увез ее с собой, а она в других вошла и пришла ко мне ...

ИРИНА. Кто, что?!

НАТАЛЬЯ. Мокрую и гнилую увез. Муж в тюрьму увез. Она пробралась в него, он и помирать начал, ушел в тюрьму.

ИРИНА. Чего ты бормочешь там?

НАТАЛЬЯ. Посиди, погрейся. Сейчас чай поставлю, попьем. Чего теперь делать, раз она пришла ко мне в дом. А я думала – спрячусь, пережду как-нибудь. А не выходит.

ИРИНА. Чего.

НАТАЛЬЯ. Сиди. Попьем чаю.

ИРИНА. Надо говорить – попьём.

НАТАЛЬЯ. Да, да. Совсем тебе плохо, бедная, да? Я думала - мне одной. А тут – на тебе, пожалуйста. Точно тебе не надо врача?

ИРИНА. Какого еще врача? С чего вдруг? Можно, я закурю?

НАТАЛЬЯ. Кури, моли не будет.

Ирина закурила, **Наталья** нашла пепельницу, поставила на стол перед ней. Прошла к газовой плите, зажгла огонь под чайником. Чайник быстро запыхтел.

Наталья села напротив Ирины.

Молчание.

Пепельница от мужа. Еще четыре года ждать.

ИРИНА. Это что, ему столько дали за телёнка?

НАТАЛЬЯ. Нет, он еще на себя навесил, чтобы уйти, не распространять заразу. Унес с собой личинку.

ИРИНА. Какую личинку?

НАТАЛЬЯ. Такую. Сама знаешь. *(Встала, принесла вскипевший чайник с газовой плиты, поставила перед Ириной).* Пей чай вот.

ИРИНА. Не переживайте, я сейчас уйду. Три минутки только. У меня ведь свой дом, напротив вас, в окно его видно. Большой, бревенчатый, совсем почти новый.

НАТАЛЬЯ. Ага. Ему лет восемьдесят.

ИРИНА. Как так? Он совсем молодой выглядит.

НАТАЛЬЯ. Тетя Валя там родилась, дом продавала тебе которая. Ей почти восемьдесят. А дом еще раньше поставили. Его досками обшили, покрасили, чтоб гнилых бревен не было видно и - тебе продали. Ну, на твой век хватит, простоит еще немножко.

ИРИНА. Как так? Почему мне не сказали? Я пойду, я разберусь ...

НАТАЛЬЯ. С кем разбираться? Увез тетю Валю внук. Далекo, на Дальний Восток, иди, найди их, разберись. Они продали, потому что тетя Валя старая стала, в нее тоже личинка залезла, а еще потому, что в этом доме внучка тети Вали повесилась.

ИРИНА (*таращит глаза*). Что ты такое говоришь, Наталья? Зачем ты меня пугаешь?

НАТАЛЬЯ. Никто не пугает. Так и есть.

ИРИНА. Зачем же они мне такое продали?

НАТАЛЬЯ. А ты чего боишься? Сама говоришь – такие всякие нужны волнения тебе. Вот и будут.

ИРИНА. Я пойду, я затоплю дом ... Чтобы весь дух выветрился, чтобы там не было страшного ...

НАТАЛЬЯ. Там топить нечем. Клен лежит у ворот, его порубать надо, сучья поломать и кленом топить.

ИРИНА. Совсем с ума сошла?! Топить клёном дом?! Это уже как-то невозможно, это такой дурной образ, это так не по-русски! Это же клён!

НАТАЛЬЯ. Старый клен там был, завалился у ворот, посиди, потом пойдем вместе, я помогу, попилим его, поломаем, затопим.

ИРИНА. Этого не будет!

НАТАЛЬЯ. Будет, будет. Ну, не болит сердце? Прошло?

ИРИНА. Да и не болело, с чего это вы? И не надо мне помогать печку топить, вы меня тоже за сумасшедшую принимаете? Ничего подобного! Не надо! У меня немножко нервы расшатаны, но это вовсе ничего! Русский воздух, русская деревня, я припаду к родникам, напьюсь ключевой воды и опять ...

НАТАЛЬЯ. Да припадешь, припадешь, никто тебя дурой не считает. Сиди.

ИРИНА. Я теперь поняла, почему старуха плакала, продавая дом ...

НАТАЛЬЯ. Ну, раз она в нем родилась.

ИРИНА. Она еще сказала, плача, про дом: «Я его напоследок обмою ...»

НАТАЛЬЯ. Дак он если ей родной ...

ИРИНА. Так про покойников говорят!

НАТАЛЬЯ. Дак продала, все равно что - похоронила. Обмыла. Чисто там?

ИРИНА. Чисто. Ага. Тут окраина деревни, до леса пять километров, до речки три, только степь, мне надо было здесь, здесь спрятаться в башне из слоновой кости! А они продали гниль!

НАТАЛЬЯ. Вот ведь что мокрая и гнилая делает, ты посмотри, а? Пробирается и все. Расплождается и все! И не убить ее никак, а?

Молчание.

ИРИНА. Ты о чем?

НАТАЛЬЯ. Да про мужа.

ИРИНА. Про Митю?

НАТАЛЬЯ. Про Митю.

ИРИНА. Ты к нему едешь?

НАТАЛЬЯ. Езжу. Раз в полгода на свидания, езжу. Денег скапливаю и езжу. Далекo ехать надо, на север, двое суток по вокзалам мотаться.

ИРИНА. Ужас. Какой сюжет ...

НАТАЛЬЯ. Не могу сидеть с ним долго, он смотрит на меня, и она смотрит на меня. Мы только сквозь стекло встречаемся, я так прошу его, чтоб сквозь стекло, потому что с ним лицо в лицо не могу, она меня сожрать хочет ...

ИРИНА. Да кто, что?!

НАТАЛЬЯ. Да так. Никто. Ничто.

Молчание.

Наталья клеёнку на столе погладила. Потом взяла книжку, которую ей Ирина подарила, прошла к печке, положила возле печки на пол. Там лежит ещё несколько книжек.

ИРИНА. Куда вы мою книгу?

НАТАЛЬЯ. Где все лежат.

ИРИНА. Почему они у вас тут лежат?

НАТАЛЬЯ. Библиотека в деревне летом сгорела, книжки все выкинули. Они вон обгорелые, пахнут даже дымом. Все разобрали их, я тоже. На растопку.

ИРИНА. И мою - на растопку? Это шутка такая злая?

Молчание.

НАТАЛЬЯ. Ну, ладно, положу в другую сторону.

ИРИНА. Но потом, когда я уйду – всё равно пойдет на растопку?

НАТАЛЬЯ. Ну, а что с ними делать?

ИРИНА. Читать! Читать, дорогая!

Бросилась к печке, поднимает книги, читает корешки.

Милая! Достоевский! Пушкин! Гоголь! Вся великая русская литература девятнадцатого века – вот она, тут, и вы ее в огонь, в печку?! Это бред какой-то!

НАТАЛЬЯ. А куда их?

ИРИНА. В голову, дорогая, в голову, в сердце, в душу!

Молчание.

Ирина села за стол, наливает себе чай, пьёт, обжигается, бормочет что-то себе под нос. В комнате темнее стало, ветер воеет в антенне на улице. Ирина головой вертит.

А что это у вас везде такое на стенах?

НАТАЛЬЯ. Заговор.

ИРИНА. Какой?

НАТАЛЬЯ. Кресты. Крестики. Углем нарисовала. Надо обновить, а то застарилось, исчезает будто. Надо нарисовать крепко, а то видишь – она лезет, пробирается ...

ИРИНА. Зачем это?!

НАТАЛЬЯ. От нее спасаюсь. Вот ручку синюю толстую купила спецом, надо ею нарисовать. На руке себе нарисовала, себя заговорила, а там – не сделала. Сделаю вот сегодня ...

ИРИНА. Что ты загадками разговариваешь? Зачем, говорю?

НАТАЛЬЯ (помолчала). Я кино по телевизору люблю смотреть.

ИРИНА. Ужастики американские, да?

НАТАЛЬЯ. Да.

ИРИНА. Какой ужас! Зомбо-ящик!

НАТАЛЬЯ. Нет, это правда там. Потому что жизненно.

ИРИНА. Что жизненно?!

НАТАЛЬЯ. Про этих монстриков в страшных фильмах – жизненно.

ИРИНА. Ты ненормальная?

НАТАЛЬЯ. Нормальная. Потому что в каждом из нас эта страшная мокрая и гнилая или живет или собирается жить, залезть. Вот в тебе уже сидит. Такая страшная, я ее так сильно вижу.

ИРИНА. Что?!

НАТАЛЬЯ. То.

ИРИНА. Ты что такое говоришь, глупая?! Что несёшь? Про что ты тут мне рассказывать стала?

НАТАЛЬЯ. Да про тебя.

ИРИНА. Про меня? Это я про тебя расскажу! Миссис Кукареку, а?! Книги великих русских писателей жечь – это не знаю, что в голове и в сердце иметь надо! Это уже какая-то полная патология!

НАТАЛЬЯ. Я всегда эти страшные сказки смотрю по телевизору. Потому что это не сказки, а правда. Смотри, что на руке написано, тут.

ИРИНА. Где?

НАТАЛЬЯ. Тут, у локтя. *(Наталья рукав халата задрала, показала)*. Написала ручкой синей такой. Как стирается – снова пишу.

ИРИНА *(читает)*. «КЛИН-ОБОЗ». *(Пауза)*. Что? *(Пауза)*. Это ты фломастером, что ли, написала? Это же вредно для тела! Это что? Что – «клин-обоз»? *(Пауза)*. Что это значит? Ты не пугай меня, это что тут происходит такое?!

НАТАЛЬЯ. Ну да, фломастером. Я в первый раз как к мужу съездила, он мне там из-за стекла показал руку, а у него там выколото. Вот это выколото, так же вот, большими синими буквами: КЛИН-ОБОЗ. И он мне только губами, даже не шепча, чтобы мокрая и гнилая не услышала, только губами сказал, что это значит и показал мне, чтобы я себе такое же сделала, и тогда не найдет меня никакая зараза ...

ИРИНА. Да что, что это значит?!

НАТАЛЬЯ. У него такая наколка. А мне выколоть некому, я и написала сама. Это заговор от нее.

ИРИНА. От кого?!

НАТАЛЬЯ. Заговор. «Как люблю и ненавижу – один Бог об этом знает». По первым буквам. Читай!

ИРИНА. Как люблю и ненавижу – один Бог об этом знает ... Как люблю и ненавижу – один Бог об этом знает ... Как люблю и ненавижу – один Бог об этом знает ...

Молчание.

Ну да, и что?! И зачем это надо на руке выкалывать, рисовать?!

НАТАЛЬЯ. Я ж тебе говорю – от нее. Теперь – нечего молчать, она в тебе сидит, слышала, знает тайну и теперь уже можно рассказывать ... Эх, собака два нога, теперь другой

заговор надо искать. Поеду к мужу, скажу, что - пропало ...

ИРИНА. Да что?!

За окном стало темнее, снег всё так же тихо падает.
В комнате нет света, полумрак.

НАТАЛЬЯ. Говоришь, зачем ты это кино страшно смотришь? А я тебе отвечу. Ведь и правда, есть такие чудовища страшные, с другой планеты. Они – тут. Они вселяются в людей личинками и делают, чтобы всех уничтожить. Чтобы воздух, какой есть на Земле, собрать и отправить на свою планету, к своим сородичам, в свое племя.

ИРИНА. Что?! Что?!

НАТАЛЬЯ. Я встречаю всегда таких людей. Даже в магазин не хожу, чтоб их не видеть. Сажу дома. Вот и ты – тоже. Ты улыбаешься так же, но смотришь мне в глаза при этом с ненавистью. Ты, как и они все там, приедет в тряпки дорогие, но тебе они ненавистны, потому что тебе шкура гнилая твоя, настоящая – тебе интереснее и милее. Ты, как и они все там, раскрасавица, или, если мужики - раскрасавцы, но, если посмотреть внимательно на вас, то сразу видно, как в пузе у вас шевелится гнилая, мокрая, мокрая и гнилая, которая хочет забрать воздух. И вас ничем не вытравить, я это давно поняла. С вами нельзя бороться, не получается. Вы все равно нас всех погубите, от вас не скрыться. Нет способа борьбы с вами. Все равно кончится тем, что вы весь воздух перекачаете куда-то туда, в какое-то темное свое космичество, и мы все вымрем. Я знаю. Я спряталась от вас на краешек деревни, на краешек земли, а вы все равно меня нашли.

Молчание.

ИРИНА. А?

НАТАЛЬЯ. Нашли. А мужа она скрутила два года назад и он, чтобы меня сохранить, не испортить, все сделал, чтобы его запрятали на цугундер. Она его там точит. Митя мой ... Митечка мой ... Любимый мой ... Любовь моя, Митечка ... *(Пауза)*. Он так меня любит. Как я его люблю, так и он меня. Связаны. Мы сядем у стекла, он смотрит на меня и плачет. Руку на стекло положит, я свою на его руку и мы плачем. Мы не виноваты. Он не виноват, что его мокрая и гнилая съела ...

Молчание.

Ирина поражённо смотрит на Наталью, вертит головой.

ИРИНА. Тут рядом точно нет домов?

НАТАЛЬЯ. Зачем тебе?

ИРИНА. Переночевать. Чтобы потом утром пойти на трассу. Я сейчас на ночь не пойду. В доме у меня холодно, а мне надо уйти в город.

НАТАЛЬЯ. Нету тут домов. Сиди. Ляжешь на полу. Куда тебе идти, ты никакая. И она так в тебе разозлилась, что я ее увидела, так и ворочается, не чувствуешь, что ли?

ИРИНА. Ты сумасшедшая ...

НАТАЛЬЯ. Ну да, конечно, говори, говори, я же знаю, кто это говорит. Не ты, а она. Вот ведь беда мне какая, а?

Молчание.

ИРИНА. Ну, конечно. Всё ясно. Она сошла с ума. Она страшно любила своего мужа, а его посадили в тюрьму, и она от тоски и одиночества сошла с ума ... Вот - сюжет. Вот, о чём писать-то мне надо!

НАТАЛЬЯ *(тихо)*. Если бы ты знала, как я любила и люблю его ... Как люблю ... Митя мой ... Если б ты знала ... У него зубы чистые, кожа теплая, глаза синие, он смотрит на меня и говорит мне: «Наташенька, любовь моя ...» И ничего не надо мне, солнце закатывается ... Но мокрая и гнилая его забрала к себе ... Но любовь мою не заберет, мне

он все равно любим, я жду и дождусь его ...

Молчание.

Сидят, молчат. Будильник тикает. Во дворе снег идет.

ИРИНА (шёпотом). Бабушка, ты про что?

НАТАЛЬЯ. Я тебе какая бабушка? Мне столько же лет, сколько и тебе.

ИРИНА. Мне пятьдесят будет ...

НАТАЛЬЯ. И мне пятьдесят будет.

ИРИНА. Я что, такой же старухой, как ты, выгляжу?

НАТАЛЬЯ. Такой же.

ИРИНА. Не ври, не ври, неправда!

НАТАЛЬЯ. Правда.

Вдруг что-то в снях грохочет, потом шаги по крыше – бум-бум-бум.

ИРИНА. Это что такое?!

НАТАЛЬЯ. Пришел.

ИРИНА. Кто это? Воры идут? Парни ваши?

НАТАЛЬЯ. Это кот с той улицы.

ИРИНА. Ему что нужно тут?

НАТАЛЬЯ. Он много лет тут ходит. Каждый вечер.

ИРИНА. Зачем?

НАТАЛЬЯ. Ровно в пять зимой и летом – в одиннадцать. Как темнеть начинает, он приходит. Летом через огороды, сквозь картошку бежит, ползет, а зимой – в снег проваливается, но идет, обязательно идет. Доходит до сарая моего, прыгает на него, там все пронюхает, потом идет и прыгает на ворота, по воротам пройдет, потом идет на гарище на мое ...

ИРИНА. Куда?

НАТАЛЬЯ. На чердак. Потом спускается по лестнице во двор, во дворе все обнюхает, выходит на забор и по забору, снова в огород и опять сквозь снег идет к себе домой.

ИРИНА. Он что, мышей ищет? Мышек, да? Его не кормят дома?

НАТАЛЬЯ. Нет. Он владенья свои осматривает. У тебя – свои, у него – свои. У каждого – свои.

ИРИНА. Ясно-понятно. А у тараканов, которые по столу ходят – тоже свои?

НАТАЛЬЯ. Может.

Молчание.

ИРИНА. Нет, надо на трассу ... Ничего, всё будет окейно, я выберусь, ничего ...

НАТАЛЬЯ. Сиди! Слушай кота.

Молчание.

ИРИНА. Зачем он тут ходит?

НАТАЛЬЯ. Ему надо просмотреть все, чтобы все было на месте, как он привык, как должно быть, чтобы ничего не сломалось, чтобы ничего не потерялось. Он ведь идет с закрытыми глазами. Только иногда чуть-чуть приоткроеет, сквозь щелки смотрит – так или не так все? Все на месте и идет дальше. Он смотрит: не забрала ли пока мокрая и гнилая

его владения? Нет, на месте. Это его дом, его пространство, его жизнь, его мир, ему нужен в нем порядок.

ИРИНА (*помолчала*). Откуда вы знаете?

НАТАЛЬЯ. Я знаю все про всех. Вот так.

ИРИНА. А про кота вы откуда знаете?

НАТАЛЬЯ. Потому что – КЛИН-ОБОЗ.

ИРИНА. Что?

НАТАЛЬЯ. Я лежу тут на кровати, глаза в темноте открою, снег отражается на потолке, темно, но светло. Я смотрю в потолок и слышу, как он приходит и уходит, и будто это я – хожу по забору, по гарищу, по сараю. Дом невелик, а спать не велит. Иду, осматриваю свое, маленькое, только мне понятное и нужное, мое хозяйство и успокаиваюсь: все на месте, ничего не сломалось, пойду-ка я спать. И пока все на месте, я живу. А как только что-то сломалось – ломается все, все, все.

ИРИНА. Что – «все, все, все»?!

НАТАЛЬЯ. Все, все, все. Вся Земля. Которую так люблю и так ненавижу, и про это знает только Бог. Потому кресты тут везде и потому написано тут: «КЛИН-ОБОЗ».

Молчание.

ИРИНА. А зачем это надо писать на руке?

НАТАЛЬЯ. Чтобы не забывать. Никогда не забывать. Никогда.

Молчание.

ИРИНА (*встала, прошла к двери, нашла выключатель, свет включила, кричит злобно, выговаривая каждое слово*). Что ты мне тут Муму на салазках возишь, коза мочёная?! Разговорилась! Следи за губой. Ненормальная! Амёба!

НАТАЛЬЯ. Тебя жалко стало.

ИРИНА. Ты кочерыга кленовая! Не все дома! Девяносто девять! Я только сейчас это поняла! Я вижу ведь, вижу: эти засаленные волосы, гребёнка в волосах, эти мутные глаза – и я поняла вот сейчас! Шизофрения полная! Врачей, врачей, привязать к кровати ремнями!

НАТАЛЬЯ. Вот она просыпается, начала она ...

ИРИНА (*кричит*). Конечно, кто может жить на краю деревни? Только юродивые! Пила, видать, пила со своим мужем, да с катушек и скатилась! Про любовь она говорит, животное! В Бобруйск, как говорится! Ты кого можешь, ты что умеешь, чмо?!

НАТАЛЬЯ. Жалко тебя.

ИРИНА. Меня жалеть вздумала?! Да ты в своем уме? У меня все отлично! Я успешная писательница. Пишу стихи, рассказы, повести, романы, помещаю их в модные журналы, получаю большие гонорары. Эту дачу купила на один единственный гонорар! А знаешь, сколько у меня таких в году? А ты, грёбаная такса, не устраивай мне тут представление, будто ты такая поэтическая натура! Не обманешь! Лежит на диване всю жизнь и смотрит зомбо-ящик! Фуфло смотрит! С котами общается! Не работает, вся Россия не работает! Разговаривает! У тебя ведь даже коровы нет! Не подоишь!

НАТАЛЬЯ. Нет. Я одна. Вот, два цветка только есть, а больше живого тут нету. Нельзя даже кошку – влезет мокрая и гнилая. А в цветы она не влезает, не может.

ИРИНА. Вот я и вижу, что тут – тут живого нет! А я пришла присматривать просить за моим домом! А?! Нашла кого! Которая всех ненавидит, один Бог знает, как ненавидит!

Ведь у тебя в ящике даже канала «Культура» нету!

НАТАЛЬЯ. Нету. Не ловит.

ИРИНА. А у меня в доме будет ловить! Я поставлю «тарелку»! Сделаю себе камин! Пропущу по проволоке электричество, чтобы никакие коты не заходили! Буду топить камин дровами! Не клёнами! Понимаешь? Потому что: «Клён ты мой опавший, клён заледенелый!»?!

НАТАЛЬЯ. Там увидишь в большой комнате кольцо в потолке, для люльки оно было, там она и повесилась. Убить решила мокрую и гнилую и - убила. И себя.

ИРИНА. Ты врешь!

НАТАЛЬЯ. Сама потом узнала бы, люди бы сказали.

Молчание.

ИРИНА. Хорошо, я пошла. Всех не обогреешь. Всем не поможешь. Мне нужно идти в мой дом. *(Пауза)*. Ну, вот что мне теперь делать?! *(Плачет)*. Она напугала меня всем этим: котом, висельницей, холодом! Электричку я пропустила. В доме холодно. Где мне ночевать? На дорогу идти – там нет машин, а до трассы десять километров, я не дойду, я окочурюсь. И личинку убью? Ей этого хочется?! Так, да? *(Кричит)*. Почему она повесилась, почему?! Тут ягоды, грибы, дождь, лес, речка, снег, Россия кругом, красиво так, почему? Что не жилось? Что вам еще надо? Что вы всё выдумываете все, чем вам тут плохо? Зимой – зима, летом – лето, осенью – осень, весной – весна, живи и наслаждайся, а вы?!

НАТАЛЬЯ. Потому что никому она не нужна была.

ИРИНА. А ты где была, коза?! Ты, гербарий засушенный, человек ты мёртвый, неживой, где была? Ты о чём думала? Что ж ты не помогла ей? Видела – ей было плохо, видела ведь в свое окошко, что ж не помогла?

НАТАЛЬЯ. А ты кому помогла?

ИРИНА. Да моим творчеством люди лечатся, моими книгами зачитываются люди, я их зову в светлую даль, они мечтают, и я им помогаю мечтать!

НАТАЛЬЯ. Никому не надо. Печку топят на даче книжками. Барахло. Мокрая и гнилая в животе потому что.

ИРИНА. Сама ты - мокрая и гнилая! Это не я, это не про меня!

НАТАЛЬЯ. И про тебя тоже.

ИРИНА. Помолчи! Философ! Кочерга! Сидит тут! Я тебя о чём попросила: присмотреть за домом! Я пришла подружиться! А она учит меня жить! Я объездила весь мир, я знаю всё, а что видела ты в это окошко? Кота, который ходит по цепи ученый? У тебя весь мир – с это маленькое окошко! Кругозор такой! Что ты видела, что?!

НАТАЛЬЯ. Видела все. И вижу. КЛИН-ОБОЗ.

ИРИНА. Кого ты любишь, кого?!

Ирина нашла шубу, натягивает её на себя.

Всё, вызову такси. Ловит тут телефон или нет? Есть тут связь с миром? Какого чёрта я залезла в эту глушь?! Надо было купить квартиру на окраине, в доме, в лесу, а я решила, как русская – буду в деревне! Дура я.

НАТАЛЬЯ. Ну да.

ИРИНА. Дряни вы, русский народ. Лишь бы обмануть. Обшили, покрасили, продали, как новое, свиньи! Гниль продают! И не стыдно? А я покупала, как новенький! А они –

пропьют эти, моим горбом заработанные, гонорары!

НАТАЛЬЯ. На твой век дома этого хватит.

ИРИНА. Не считай мой век, дрянь! Она спалит, спалит мой дом, я вижу её кошачьи глаза злобные!

НАТАЛЬЯ. Да нужна. Уезжай.

ИРИНА. Конечно, уеду. И дом продам. Познакомилась, спасибо. Жить с таким чудовищем рядом – мрак. Нет, это не народ! Народ пашет, сеет, культивирует! Встать на площади и трубить! И призывать! И идти!

НАТАЛЬЯ. Иди уже. Голова болит.

ИРИНА (*пошла к двери, встала у порога*). Это ж надо такое придумать – КЛИН-ОБОЗ, а?! Кого ненавидишь, о ком думаешь, кому ты нужна? С кем беседуешь, для кого живёшь, для кого?

НАТАЛЬЯ. Для него живу. Я его люблю и ненавижу.

ИРИНА. Идиотка! Икону куда повесила?! В угол над телевизором? Ты, когда молишься, ты тут на колени встаёшь и на телевизор молишься? Да ты в своем уме?! Идиотка! Уйду! Провались! Я лучше в снегу застряну, умру, чем с тобой! Вот ведь гадина какая - из фильма ужасов! Правильно говорят: не дом, а соседей покупай! Вот, купила! Русские люди, оболваненные зомбо-ящиком, сходят с ума и начинают верить в призраки, засланные нам в Россию из страны ненависти! Какая тут любовь?!

Ирина поправила шапку на голове, перекрестилась широко на икону, что в углу, но так получилось, что - на телевизор, плюнула на четыре стороны и ушла.

Слышно, как где-то далеко прошла электричка.

Стучат колеса, идет поезд.

Наталья встала на колени, глаза закрыла, говорит быстро.

НАТАЛЬЯ. Митя, ты один знаешь, как я люблю и как ненавижу ... Митя, ушла она, ушла. Не пробралась в этот раз. Я еще кресты нарисую, не проберётся, не дожждётся, не выйдет, что она нас разлучит. Ни на том, ни на этом свете. Мы с тобой вместе будем всегда. И из тебя уйдёт, я знаю. Всё будет так, как мы с тобой хотим, любимый мой, Митя. Я жду тебя и буду ждать столько, сколько надо.

Она берет фломастер и быстро рисует крестики над окном, над дверью, над газовой плитой, над печкой, над кроватью.

Тут ничего не сломается, Митя, без тебя, тут всё будет, как было. Ты придёшь, и мы с тобой спрячемся тут, у нас, где все тихо и спокойно, и опять будет ночь, и снег будет светиться нам с тобой на потолке тихим светом, я лягу рядом и поцелую тебя, Митя ... Мы тут будем, где её нет, куда она не пробралась, и будем жить, любимый мой. Любовь моя ... Ты знаешь, как люблю я ... И как я ее ненавижу ... Тут все на своих местах, я сохранию всё для тебя, я жду тебя и ждать стану вечно, Митенька мой ...

Она ложится на кровать, отворачивается к стене, бормочет.

Пусть кот ходит всегда, пусть растёт малина, пусть растут деревья, снег идёт, лето приходит, только чтобы никогда не кончалось это всё, Митя, Митенька мой, любовь моя, любимый мой, Митенька, только бы не сломалось ничто, только бы всё осталось, как есть, как было, только бы тебя дожждаться, любовь моя, любимый мой, я дождусь тебя ...

Тишина. Темно. Снег идет за окном.

И так тихо, будто ничего-ничего нет на свете, будто вся жизнь кончилась и только этот дом в одно окно есть на свете и она, Наталья, которая лежит на кровати и почти не дышит.

Тишина.

Темно.

Бог на иконе в углу улыбается.

Темнота

Занавес

Конец

ИКАР

Комедия в одном действии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ТОЛИК – 40 лет

САША – 40 лет

Овощной киоск на углу улицы. Наши дни.

Весна, конец апреля. Утро. На углу улицы стоит овощной киоск. Железный. Рядом с киоском – столб, на столбе фонарь, от столба электрические проводки к киоску тянутся.

На крыше киоска лежит кучка грязного последнего весеннего снега. Снег тает и капает с крыши, падает в окурки, которых полным-полно насыпано вокруг киоска.

В самом киоске стоит штук тридцать ящиков с зеленым луком. Других овощей и фруктов нету. Еще весы со стрелкой есть, окошко, которое можно задвинуть стеклом, а можно и раздвинуть, если придет покупатель. Один стул и две табуретки старые в киоске есть еще. Лампочка под потолком. Чайник электрический, одноразовые стаканы, одноразовые ложки и вилки, что-то недоеденное лежит в тарелке. Больше нет ничего.

Саша в белом халате, стоит, смотрит в окошко. На голове у него красная турецкая косынка-бандана. С полумесяцем во лбу.

Стоит Саша, в окошко смотрит, на прилавок облокотился. Смотрит налево, смотрит направо. Никого нет. Саше сорок лет.

Толику тоже лет сорок. Толик в костюме спортивном и в фуражке. Сидит Толик на табуретке, а перед ним на другой табуретке стоит тарелка с мелочью. Толик мелочь из руки в руку, из ладони в ладонь, как пыль будто, пересыпает, пересыпает. Или будто это он семечки провеивает, а не деньги, сыпет мелочь из руки в руку и дует на мелочь. Копейки падают в тарелку и звякают, как капельки с крыши.

ТОЛИК. Я очень не люблю тебя, Сашундра. Ты очень плохо говоришь о России. Причем всегда. Ты неформал. Нет, Сашинский, ты - конкретный неформал. Конкретный.

САША. Привязался.

ТОЛИК. Ты неформал, Сашундий. Ты конкретный неформал, говорю же вот тебе.

САША. Отвали, Толян! Толян! Толянский! Опять кино про батьку Махно, который показывает морковь в окно? Иди уже отсюда, покупателей распугиваешь. Два часа никого нет. Стою, выглядываю в окошко, как сказочница в фильме-сказке. Стою, смотрю, никого нет. Лук пропадает. Зачем привезли двадцать ящиков лука? Кто его возьмет?

ТОЛИК. Ты неформал, Сашундрий. Нет, нет, я чувствую, что ты конкретный неформал. Вот ты сколько раз прыгал с парашютом?

САША. Ты достал.

ТОЛИК. Ты не любишь Россию, Сашундра. Это так не по-человечачьи. Не по-человечачьи так.

САША. Вали уже, а? Ну, чего ты пришел? Из-за тебя лук не берут.

ТОЛИК. Весна. Витамины всем надо. Возьмут. Надо терпеть и ждать. Так вот. Ты неформал, Санек. Мало того – ты конкретный неформал. Я бы даже сказал: ты конкретнейший неформал.

Пересыпает мелочь, дует на нее.

САША. Что ты к моей мелочевке привязался?

ТОЛИК. Я в молодости был бедный. Ел суп из костей. Костей куплю, супу наварю и ем. Без ничего. А весело было.

САША. В какой молодости, Толик?

ТОЛИК. Вот ты сколько раз прыгал с парашютом, Сандий? Нисколько. Я думал – ты «по чесноку». А ты - не «по чесноку».

САША. Я не по чесноку, а по луку специалист! Видишь? Не берут!

ТОЛИК. Я говорю: думал, ты «по чесноку», то есть, по-честному. А ты, ты – не по-честному.

САША. Лук вянет. Жара. Апрель, а будто в июне. Ты вот сидишь, а возьми лучше воды в рот, набирай из чайника и брызгай на лук, чтоб он не вял. Чтоб товарный вид имел.

ТОЛИК. Я тебе дурак, что ли? Последний раз спрашиваю: сколько раз прыгал с парашютом?

САША. Положи мелочь! Придавай луку товарный вид, сказал!

Толкнул Толика в плечо, протянул ему чайник. Толик чайник не берет.

ТОЛИК. Ты неформал. Ты конкретный неформал. Ты не любишь Россию. Ты каждый год, вот уже восемь лет, в начале апреля, как там сезон начинается, едешь в Турцию на десять дней. А в России нет места тебе, где отдохнуть, да?

САША. Брызгай, сказал! Мелочь положи!

Толик мелочь целует, снова пересыпает из ладони в ладонь.

ТОЛИК. Денежки мои, денежки! Как я вас люблю, денежки! Поцелую вас, денежки мои!

САША. Ты дурак, Толян! Какие это денежки? Пыль.

ТОЛИК. Ты не понимаешь, это - не пыль! Тут на каждой копейке на оборотке нарисован святой человек – Григорий Победитель! Это великая русская икона. А ты, вражина турецкая ... Сними в головы это с полумесяцем! Что это ты это одел? С парашютом прыгал, нет? Знак ГТО на груди у тебя есть, нет?

САША. Не Григорий, а Георгий. Георгий Победоносец. Русский ты, ага, русских защищает, русских любит, татарская морда. Сидит тут мне - русский он.

Толик пересыпает мелочь.

ТОЛИК. «Ищут пожарные! Ищет милиция! Знак ГТО на груди у него!». Ты конченный неформал, Саша.

САША. Брызгай на! Пей на!

Набирает в рот воды из чайника, ходит по киоску, подходит к ящикам с луком, раздувает щёки, выдувает воду на лук. Саша прихрамывает.

ТОЛИК. Я, Саня, много лет не пью. Я понимаю, что это очень неприлично выглядит. Затяжное пьянство очень неприлично выглядит. Как и затяжная трезвость.

САША. Во-во.

ТОЛИК. Я знаю, что ты - негодяй. Ты покупателей обманываешь, обвешиваешь. Ты так плохо к тому же говоришь о России. Я видел, как ты их всех обвешиваешь.

САША. Чего? Чего ты видел? Иди из моего киоска.

Саша отдал чайник Толику в руки, пошел, открыл дверь на улицу.

ТОЛИК. Не перешагивай через мои ноги! Расти не будут! Шагни назад!

Саша встал на пороге, смотрит на лужи, курит, подставляет ладони каплям, падающим с крыши.

САША. Ага, сейчас. Пусть и ты станешь колченогим.

ТОЛИК. Сними эту тубетейку. Не позорься. *(Пауза)*. Ты там мусульманство примешь?

САША. Приму.

ТОЛИК. Я видел, я видел, как ты русский народ обманываешь.

САША. Ну и вали.

ТОЛИК. Ты кладешь на весы лук. Потом внимание покупателя отвлекаешь, на стрелку показываешь, пальцами и глазами показываешь, будто туда смотришь, а сам, а сам тихо в это время снизу берешь стручок лука, который свесился, и перышко это вниз тянешь, и тогда вся чашка весов тоже вниз тянется, и грамм на двести ты каждого, каждого русского человека обманываешь! Я видел! Ты неформал! Ты не прыгал с парашютом!

САША. Достал. Вали вон.

ТОЛИК. Я брызгать буду. Ты на свой карман работаешь, а я помогаю матери бизнес вести. Если предприятие не вести, как следует, оно – обанкрачивается.

САША. Сам ты «обанкрачивается».

ТОЛИК. Обанкрачивается, да!

САША. Ага, помогаешь ты. Штанами улицы подметаешь. От магазина к киоску идешь, от киоска – к другому. К нашему бизнесу.

ТОЛИК. Закрой дверь – холодно. Лук простынет.

Саша закрыл дверь, снова встал у окошка, постоял, посмотрел в окошко, потом лег грудью на прилавок. Смотрит в окошко налево, смотрит направо.

САША. Пошел отсюда на хер. Будешь меня учить луком торговать.

ТОЛИК. Я в детском садике дружил с девочкой, ее звали Тамара. Нас дразнили: «Мы с Тамарой ходим парой!» Я не знал, что это был знак. Через много лет встретил Тамару, твою маму.

САША. Твою маму, ага.

ТОЛИК. Потом в детстве я слушал песню: «Только в борьбе можно счастье найти! Гайдар шагает впереди!» и думал, что надо бороться за счастье.

САША. Слушай, ну вали отсюда? Устроил вечер воспоминаний.

ТОЛИК. Еще там давали противную тушеную капусту и вкусный компот. А воспитка читала сказки нам из коричневой книжки «Сказки Афанасьева». У меня было такое детство. Я суп из костей ел.

САША. Трудное детство, недостаток витаминов, деревянные игрушки.

ТОЛИК. Да, трудное. Тебе бы так вот, как мне в детстве – как олухом по голове. Знаешь, какой я был бедный и несчастный?

САША. Обухом, придурок, а не олухом, понял? Олух царя небесного.

ТОЛИК. Нет, олухом. Не говори так с отцом.

Пришла тётка за луком. Саша засуетился.

САША. Вам сколько, девушка, лука? Всего двести грамм? Вы смеетесь? Свежий! Краснодарский! Нет, я бы даже сказал – он наш, местный! Женщина, ну что вы такое говорите? Какой лук голландский, вы про что? Ну, вы посмотрите на эти ящики, бабуля? Они похожи, что сделаны в Голландии? Мы заботимся о здоровье наших покупателей, девушка. Мы не потакаем вражеским голосам и вражескому бизнесу. Зачем нам это, девочка дорогая? Мы в России живем. Мы русские люди, мы русскому луку продаваться помогаем. Витамины сплошные, женщина?! Знаете, если вас когда-то обманули, то не

значит, что и здесь тоже. Ну, простите, но это мне напоминает притяжку: пуганая ворона под каждым кустом садится. Ворона – это образно, я же не про вас, а притяжка такая. Кило? Возьмите два, два кило, на два дня, суточная норма витаминов, девушка! Порезете с майонезом, женщина, наедитесь и всю семью накормите. Дешево и сытно. Вы знаете, что у нас самый вкусный майонез? Вы знаете, что наш город Дошатов внесен в книгу рекордов «Гиннеса» по количеству съеденного в год майонеза на душу населения? Вот люди потому что лук у нас в городе хорошо едят, понимаете? Женщина, зачем я вас буду обманывать? Я тут всегда торгую, много лет стою, овощами-фруктами торгую, а сегодня – только лук. Картошки нет. Свеклы тоже. Сдачу возьмите. Спасибо. Приходите еще.

Женщина ушла.

Саша окошко закрыл, сел на табуретку.

Коза старая. Рылась да рылась. Бриллианты, блин, покупает.

ТОЛИК. А ты ее «вороной» назвал.

САША. Отстань.

ТОЛИК. Надо было лизнуть, а ты гавкнул.

САША. Иди уже.

ТОЛИК. И эту обманул. Грамм на сто пийсят. Я видел. Стручок тянул вниз тоже.

САША. Ну, сидит тут, мурлыкает, а? Ну, иди, иди, иди, в «люлю бай», а? В «люлю бай» ступай отсюда, а? Или догони её, верни ей вот эту тарелку с мелочью, скажи ей: «Баушка, милая, мы обшиблись, проститя нас, возьмитя взад!» Ну, давай?!

Молчание.

Сидит тут. Свесил пузо на коленки. По какому месяцу?

ТОЛИК. Ты не знаешь. Этот животик такие девочки целовали. Такие девочки ... такие, такие ...

САША. Какие, ботало?

ТОЛИК. Неформал.

САША. Толик, есть люди глупые, а есть поразительно бестолковые. Вроде, не дураки, а бестолочь полная. Это про тебя, Толик. Про тебя, ага.

ТОЛИК. Слушай ...

САША. На вот чайник, бери лучше в рот и брызгай.

ТОЛИК. Ага. Бери в рот. Сам бери в рот.

Молчание.

Ты голубой. Не хочу играть с тобой. Неформал. Ты с девками не общаешься.

САША. Чего?!

ТОЛИК. Того. Сам знаешь.

САША. Блин косой, тут сейчас будет ведро костей и море крови.

ТОЛИК. А?

САША. Бэ. Я сейчас дам тебе вот этим луком по голове. Ящиком прямо неголландским дам. Прямо в лоб тебе как дам, чтоб ты не встал. Ящиком тем вон дам, из которого гвозди торчат не забитые. Дам так тебе, что кровью умоешься.

ТОЛИК. Бессовестный. Уезжать собрался. А еще сынок.

САША. Ты не понял, Толик? Ты вообще никакосовый, гляжу, а? Ты не врубаешься, что я тебе сказал – иди в «люлю бай»? Не понял ты, что тебе в «люлю бай» надо, нет?

ТОЛИК. Ты голубой. Голубой неформал.

САША. Заткнись, сказал?! Ты, гляжу, сильно с девками общаешься!

ТОЛИК. Я женатый человек.

САША. Вы с ней не расписаны!

ТОЛИК. Томишна – моя жена.

САША. Томишна – не твоя жена. Ты с девками - вот ты именно, ты, ты! – не гуляешь, я вижу точно!

ТОЛИК. У меня уважительная причина.

САША. Какая у тебя уважительная причина?

ТОЛИК. Я уже в возрасте, понял?

САША. Ты старше меня на полгода, папочка, забыл?

ТОЛИК. Я всё равно в возрасте. Я серьезнее тебя.

САША. На полгода, на полгода! Мне тридцать девять с половиной, а тебе – сорок будет через неделю. Понял?

ТОЛИК. Торгуй луком дальше.

САША. Понял, сказал?!

ТОЛИК. Я служил в специально обученных и облученных ракетных войсках под Афганистаном.

САША. Под каким Афганистаном?

ТОЛИК. Под таким.

САША. Ты – «негодник»! Ты негоден к строевой службе!

ТОЛИК. Нет, я служил! Я облученный.

САША. Облучённый! Луком от тебя воняет! Вот какой ты облучённый!

ТОЛИК. Облученный.

САША. И что?

ТОЛИК. И там - облучился.

САША. И что?

ТОЛИК. И потому мне – никак.

САША. И что?

ТОЛИК. Я безуспешен.

Толик встал, набирает в рот воду из чайника, брызгает на лук.

САША. Сядь, не трогай мой лук.

ТОЛИК. Спокойно. За рулём сын Валерия Чкалова. Я приведу его в товарный вид, и его сразу купят.

Набирает воду, раздувает щеки, брызгает на лук.

А ты, всё-таки, голубой. Какой позор на нашу семью.

САША (кричит, бежит по киоску). Заткнись, Толян! Заткнись и уйди отсюда! Уйди, или я, правда, тебя сегодня угондошу! Ты знаешь всё про меня. Всё! Почему я так, и почему я эдак, и почему я - то, и почему - то. Знаешь, и потому не лезь под кожу! Я тоже облучился,

Толян, тоже майонезу объелся и потому – капут! Ты знаешь, не задирай, прошу по-хорошему!

ТОЛИК. Я тебе отец.

САША. Чего?!

Толян брызгает на лук.

Чего сказал?

ТОЛИК. Я отец твой, сынок.

САША. Чего сказал, повтори?

ТОЛИК. Чего надо.

САША. Ты не отец мне, придурок! Ты придурок, понял? Понял ты или не понял? Ты моей матери игрушка на старости лет. Ей шийсят, тебе сорок, она тобой забавляется, тебе жить негде, ты примак, ты принятый, ты никакосовый, одна радость, что не пьешь, так, из угла в угол шляешься, мать тобой забавляется, либидо свое ублажает, что она нужна тем, кто помоложе. А так – ты никто и звать тебя никак. Шпынёк ты недоношенный. Рямок ты грязный. Ря-мок! Понял?

Молчание.

Толик набирает воду в рот, брызгает на лук.

ТОЛИК. Ей не шийсят, ей сорок пять.

САША. Ага.

ТОЛИК. Ей сорок пять и два месяца.

САША. Ага. А знаешь, сколько раз она подтяжку делала?

ТОЛИК. Не знаю. Не делала.

САША. Если ей сорок пять и два месяца, то она меня в пять лет родила? Или из детдома взяла?

ТОЛИК. Ты наш, родной.

САША. Не ваш.

ТОЛИК. Нет, ей сорок пять.

САША (*рычит, стучит кулаком по ящикам*). Я уеду от вас, козлы, вы меня достали, я уеду, я уеду, какое счастье, я уеду через неделю, через неделю, козлы, достали, уеду!

ТОЛИК. Предатель Родины. Неформал. Голубой щенок. Не прыгал с парашютом.

САША. Я уеду, я уеду через неделю! Как хорошо! Всё, документы подал, билет купил, всё, уеду! Торгуйте тут луком, сколько хотите, облученные, страна лукоедов проклятая, о, всё! Конец! Новая жизнь, идите, идите, идите все хором лук жрать, с глаз моих долой!

ТОЛИК. Не уедешь.

САША. Я уеду, уеду, не жди, Толян! Я сказал: оставайтесь в стране майонеза! Жрите его с утра до ночи!

ТОЛИК. Куда ты уедешь? В Канаду поедешь? Иммигрируешь, да? Рабочая виза, да?

САША. Куда надо уеду, дядя Толя! Не твое дело! Куда надо, ты знаешь! Вам не скажу! А то достанете! Приедете всем гамузом ко мне и там мне нервы портить будете! Всё, дядя Толя, папочка, отчим милый, уеду! Дядя Толя всех потолит, перетолит, вытолит!

ТОЛИК. Дядя Саша всех посашит, пересашит, высашит.

САША. Вот именно: высашит!

ТОЛИК. Куда?

САША. Не твое дело. Да вот хоть в Турцию, а почему и нет?

ТОЛИК. Ты же только что ездил.

САША. Вот, ездил, отдыхать ездил, а теперь там устроился работать, теперь уеду насовсем от вас, ну, что?

ТОЛИК. Кем ты там устроился? Кем ты там мог устроиться? Луком торговать?

САША. Да хоть бы и луком торговать!

ТОЛИК. Куда ты поедешь?

САША. Не твое дело.

ТОЛИК. У тебя профессии нет.

САША. Ну и что? Официантом устроился. Ума сильно не надо. Знаешь, как повезло? Съел? Передай это маме.

ТОЛИК. Она знает.

САША. Вот и знайте оба. И сидите тут оба два.

ТОЛИК. Голубой. Слева - кудри токаря, справа – кузнеца.

САША. Заткнись! Лучше там пол мыть, чем тут у вас на углу стоять, позориться, луком торговать.

ТОЛИК. В Турцию, значит? Говорят: по-скромному в Турцию съездить – тысяча двадцать надо, а по не скромному – оттуда еще и привезти денег можно. Не привез?

САША. Заткнись!

ТОЛИК. Все мусульмане сюда едут, а ты – отсюда. Они едут сюда, потому что у нас хорошо, потому что у нас тут Россия.

САША. Заткнись!

ТОЛИК. Не поедешь никуда. Зачем ты туда едешь? Ты вот восемь раз на моей памяти ездил и каждый раз как приедешь – тебя будто подменяют. Ты тут – человек, у тебя тут – крылья, а там ты – кто? Никто. Наймит капитала.

САША (кричит). Я урод! Ты понимаешь, что я урод – колченогий?! Я без крыльев, я не Икар, а урод, инвалид!

ТОЛИК. И что там хорошего нашел? Ярко светит солнце над Нью-Йорком, но не веселы взоры американских рабочих.

САША. А я и не в Нью-Йорк поеду!

ТОЛИК. Так куда же?

САША. Куда надо. Всё вам скажи да покажи да дай попробовать. На границу проволгать припрётся держать, за штаны схватите!

ТОЛИК. Ярко светит солнце над Лондоном, но не радостны английские рабочие.

САША. И не туда.

ТОЛИК. Ярко светит солнце над Багдадом и Парижем, Берлином и Рейкьявиком. Но не радостны лица ...

САША. Слушай, ты помолчи, юморист? Ты мне никто. Не советуй. У нас каждый суслик

агроном. Она, что ли, прислала тебя меня обработать? А, ясно! Передай ей привет с поцелуем! И скажи – всё! Хана! Кранты! Конец! Поеду! Документы сданы! Квартиру вот продам – и вон, вон, вон!

ТОЛИК. Не поедешь.

САША. С дороги, куриные ноги!

ТОЛИК. Не поедешь.

САША. Я-то думаю, чего он сидит с утра тут? И только сейчас понял! Она тебя прислала? Она?

ТОЛИК. Я сам.

САША. Она, она! Хочешь, покажу тебе мою маму, твою жену, хочешь? Тогда, в детстве, когда я маленький был, она работала продавщицей, в отделе «Колбаса». И ее все звали «Тамара Колбаса»! У нее фамилии не было, а только кликуха – «Тамара Колбаса». Понимаешь? Тогда колбасников любили и ее звали в разные компании. Не за ум! А за то, что она колбасой торгует!

Оббежал вокруг киоска, заглядывает с другой стороны в окно, морды корчит.

Но изображала она из себя царицу Нильскую, везде меня таскала! На закрытые кинопоказы, на вечеринки для избранных! Везде, везде своим дружбанам, знаменитостям и товаркам меня показывала!

ТОЛИК. Уйди оттуда, покупателей распугаешь. Лук надо до вечера доторговать. Слышишь, Сашок?

САША. Я нарисую каляки-маляки, она меня за руку, тащит к ним и говорит: «Смотрите, какой талант! Какие краски! Какой объем!». Я напишу сочинение на тему «Как мы ходили к бабушке в поход», а она его тащит в журнал, в газету и меня за руку: «Посмотрите, какой талант, вы обязаны это напечатать!» А самое главное – она вбила мне в башку, что я особенный, что я всё время хочу летать!

ТОЛИК. Уйди оттуда. Ноги промочишь.

САША. А я не хотел летать, Толян! Я ничего не хотел! Я был и есть серая маленькая мышка, которой надо пожрать и поспать и никаких лавров! Но она мучала меня, она ходила со мной за руку и кричала всем: «Посмотрите на моего сына! Он необычный! Он просто бредит «Чайкой по имени Джонатан Ливингстон»! Он все время просит меня дарить ему майки с птицами! И я дарю ему! Он не боится высоты! Он с утра до ночи прыгает со шкафа!»

Молчание.

Стоит на улице, курит, смотрит на дорогу, плачет.

А я боялся высоты. Но она мне внушила, что я - Икар. Ни на кого не похож. Она делала из меня значимого, но не выходило. Она записала меня в эту секцию – прыгать с моста. Знаешь, что такое роуп-джамперы? Вот я был роуп-джампером. И что? Спасибо маме! Допрыгался. Сломал позвоночник и ногу. Еле хожу. Нога не гнется. Перестал прыгать! Калекой сделала на всю жизнь. Твоя женушка. Моя мамочка!

ТОЛИК. Ну хватит, иди в дом.

САША (кричит). Учился я на тройки-двойки, я серость, я жижа, я слякоть, я ничего в жизни не делаю и не сделал! А она мне внушала: «Ты - полетишь, ты - Икар, у тебя - крылья!» А их не было, понимаешь?! И вот, я делаю в сорок лет поступок, наконец-то – я делаю поступок, решаю полностью поменять жизнь и что она?

ТОЛИК. Она тебе квартиру отдельную купила. Ты у нее работаешь. Работа хорошая, луком торгуешь. Чего тебе еще надо?

САША. Замолчи или я тебя заломаю?!

ТОЛИК. Ладно, всё, тихо. Не вздыхай глубоко, не отдадим далеко. За Ивана-дурака, но в свое село. Хоть за курицу, но на свою улицу.

САША. Чего?

В кармане Толика звонит телефон. Звонок особенный – колокольные перезвоны.

Родимчик с тобой тут хватит! Перелякал! Что ты поставил себе звонок такой на телефон?!

ТОЛИК. Потому что я русский человек. И звонок телефонный у меня – колокольные русские перезвоны. Понял? Неформал!

САША. Чего?!

ТОЛИК. Алло? Всё в порядке. Луком торгует. Никуда он не полетит. Разговариваем. Нормально всё. Успокойся, не реви, всё пучком.

Нажал отбой. Саша пришел назад в киоск, встал у окошка, смотрит на улицу.

САША. Чего? Ты с кем? Ты про кого?

ТОЛИК. Я с мамой говорил с твоей.

САША. Где она?

ТОЛИК. В другом городе.

САША. Почему? В каком городе?

ТОЛИК. Арда, Барда, Тавда, Салда – тоже города.

САША. Где она, спрашиваю?

ТОЛИК. Что ты задницу на фашистский флаг рвешь? Где надо.

Молчание.

САША (*протирает тряпкой прилавок*). Ну и плевать. Уеду всё равно. Живите тут в своих Пимах, в своем Дощатове. Да провались он, ваш Дощатов, который только тем знаменит в мире, что его внесли в книгу рекордов «Гиннеса» по количеству съеденного майонеза! Блин косою, ну, нашли, чем прославиться, сучки корявые?! Жрали да жрали, да их и заметили! Уеду!

ТОЛИК. Говно попало в вентилятор.

САША. Попало!

ТОЛИК. Сашок, вот что я тебе скажу. Ты никуда не едешь. Мама уехала в другой город специально, чтоб ты ее не нашел, она забрала все твои документы, паспорт, ордер, ключи от твоей квартиры. Квартиру ты продать не сможешь. Сегодня спать будешь у мамы. И пока не успокоишься, будешь спать у мамы. А я рядом. Потом мама придет.

Молчание.

САША. У меня билет на самолет заказан ... Мне паспорт на визу сдать надо ... Я договорился ...

ТОЛИК. А без паспорта не пустят.

Молчание.

САША. Да? Так, да? Ладно. Ну, тогда я ей этот киоск сейчас спалю. Где бензин?! Я пошел на заправку за бензином! Позвони, скажи это маме! Позвони!

ТОЛИК. Сядь. Сядь, я сказал!

САША. Сказал-мазал! Ишь ты, он сказал!

ТОЛИК. Сказал-мазал, да!

САША. Дай телефон! Я ей позвоню! Отдайте паспорт, твари?!

ТОЛИК. Нет. Мы на семейном совете приняли такое решение ...

САША. Какое решение, Толик?! Она поломала мне жизнь, ты понимаешь это или нет?! Это что такое, это сон кошмарный – я стою тут в халате в белом и торгую луком?! На хрена оно мне надо?! На хрена мне нужен ваш бизнес - шараш-монтаж-клип?! Картина - «Коза дерет Мартына»! Кино – «Коза лезет в окно»! Я уеду, Толик! Я больше не могу! Если смотреть долго в пропасть, то она отражается в тебе, ты знаешь это?! Если долго общаться с негодным человеком – ты принимаешь его подобие! Если долго жить в больном коллективе – ты сам заболеваешь неизлечимо! Ты не видишь и не понимаешь этого, но это происходит – медленно, но верно! Я читал, что надо каждые семь лет полностью менять всё вокруг себя, всё окружение, оставляя только самое важное, самое дорогое и родное, всё то, что прошло во времени и осталось! А всё остальное – на помойку! Иначе – становишься уродом и не видишь этого, тебя всё устраивает!

ТОЛИК. Не пафосничай.

САША. Я уезжаю от вас!

ТОЛИК. Нет.

САША. Уезжаю!

ТОЛИК. Нет, сказал.

Молчание.

САША. Где она?

ТОЛИК. Где, где ... На десятой полке, где ночуют волки.

САША. Мне сорок лет, я могу делать, что я хочу? Могу или нет?!

ТОЛИК. Маму зачем ты так расстраиваешь ...

САША. Я не маленький ребенок! Что она ко мне привязалась?! Что ей от меня надо?! Я пешком уйду! Уйду пешком!

ТОЛИК. Иди. Желая тебе жены хорошей, детей побольше, домик в Польше и два красных «порше». Иди.

САША. И я тебе жену с тремя грудями желаю! А мама твоя пусть живет с тобой и с тобой теперь забавляется, тебя калеккой делает! Она жила для себя, а я был игрушкой! Я больше не хочу, у меня одна жизнь, не хочу!

ТОЛИК. Я ее люблю. Мы уже десять лет вместе.

САША. А я никого не люблю, понимаешь? И меня никто, понимаешь? Я старым чудовищем становлюсь, живу с котом, живу как скот, старый идиот! Меня никто, я никому, как старое педрило, и правда, понимаешь? Она отвадила всех девок, с которыми я пытался вошкаться, понимаешь? Была у меня Люся. Помнишь? Мы с ней прожили три года в гражданском браке, но за три года мама достала меня. Потому что она звала Люсю и в глаза и за глаза «Пи-пи»! Понимаешь? Девушку мою звала «Пи-пи»!

ТОЛИК. Пи-пи?

САША. Пи-пи! «Пи-пи дома? Сашечка, Пи-пи где? А что делает твоя Пи-пи? Здравствуй, Пи-пи!» И это каждый день, три года подряд. Достала так, что эта, Люся-Пи-пи плюнула мне в лицо и сказала: «Колченогий крокодил, кому ты нужен, скажи спасибо, что я с тобой три года общалась!» и убежала. Убежала наша Пи-пи! Спасибо маме! Убежала!

ТОЛИК. Хорошее имя – Пи-пи.

САША. Хорошее? Давай, я тебя буду так звать? Дядя Толя «Пи-пи». А что? Красиво! Как ты живешь, Пи-пи? Ты нормально с головкой дружишь, нет, дядя Пи-пи? У тебя всё в порядке, Пи-пи? Ты, Пи-пи, не хочешь ли на улку пи-пи?

ТОЛИК. Ну, зови так.

САША. Провались ваш лук! Провались! Раб!

Снимает халат, оббежал вокруг киоска, вернулся, в ящиках роется.

Пришла бабушка лук покупать, стучит в окошко. Саша открыл окошко, орет:

Чего тебе, родимая? Что ты еще не на кладбище? Жрать еще хочешь? Луку с майонезом? Поела майонеза-то с утра, нет? А ты знаешь, что сегодня акция? Что сегодня – бесплатно? Ящик луку – бесплатно! Забери! На! И вали отсюда, пока еще не дал! Беги, беги, а то догоню!

Бабушка убежала.

Ишь, бежит как, аж шуба заворачивается!

ТОЛИК. Как ты ведешь бизнес. Ты не вписываешься в нашу концепцию развития бизнеса. Поставь ящик на место.

САША (*кричит*). Ты посмотри на тебя, что она с тобой сделала! Всю энергию твою выпила! Тебе сорок лет, а ты выглядишь, как старец! Что ты вот так оделся в это говно фальшивое адидасовское? Что ты вечно ходишь унылый? Она кровь, кровь, кровь твою выпила!

ТОЛИК. Нет.

САША. Да! Она вцепилась в тебя!

ТОЛИК. Нет.

САША. Ты вцепился в нее! А точнее – в магазин и в два киоска!

ТОЛИК. Нет. Я ее люблю. У нее не магазин и два киоска, а развитая структура бизнеса.

САША. Бизнеса! «Херизнеса!» Луком вот торгуем! В деньги в ее ты втрескался!

ТОЛИК. У нее денег нет.

САША. Вот не ври, есть! Закопала!

ТОЛИК. Ты спросил, а я ответил. Ты спросишь: есть ли у нее деньги. Я отвечу: нет.

Опять кто-то пришел лук покупать. Саша кричит в окно:

САША. Что вам надо?! Что вам всем тут надо?! Вам луку? Берите побольше. Весна. Витамины. Наш, не привозной. Ну, посмотрите на эти ящики. Видно вам оттуда? Такие ящики могут сделать в Голландии? Нет? Ну и всё. Не будете брать? Будете? Берите!

Сел на пол, рыдает.

ТОЛИК. Отпусти человека.

САША. Тебе надо, ты и отпускаяй.

Толик взвешивает лук, тянет стручок лука вниз, чтобы на весах было бы больше на сто грамм.

Взял деньги из руки, которая в окошко протянулась. Сел.

Саша сидит, мелочь из руки в руку пересыпает, плачет.

Блин косой, как слезы мои в руках, как слезы ...

Встал, ходит по киоску.

Ненавижу. Ненавижу всё. В детстве Фантомас в кино говорил: «Я построил этот мой дом на дне моря, у подножия потухшего вулкана, на месте разрушенного города!» Боже! Как я хотел спрятаться в этот дом! В такой дом, чтобы он был у меня под водой, и чтоб никто меня не дергал, не дрыгал, не трогал! Я хотел быть там, спрятаться от маминых подружек и женихов, не летать со шкафа и с моста, быть всеильным Фантомасом, на фиг! Пугать

всех! А сейчас я могу испугать всех только своей лысиной и колченогой ногой!

ТОЛИК. Последняя сигарета. Покури лучше. Покури, дружок, я губы обжег.

САША. Спрятаться, убежать ...

ТОЛИК. От себя не убежишь.

САША. Убежишь, убежишь.

ТОЛИК. Я тебя буду сейчас бить, чтоб ты начал любить Родину. Родину нашу Россию. Чтоб ты любил ее и никуда не уезжал. Потом убью тебя за нелюбовь к Родине и насую луку в рот и записку сверху оставлю: «Он не любил Россию! Так будет с каждым, кто ее любить не будет!».

САША (вытер слезы). Пошел на хрен отсюда. Это я тебя убью сейчас. Пришел, а? Она, она, она тебя прислала меня уговаривать, да?

Схватил ящик с луком, бросает в Толика.

ТОЛИК. У меня одна рука – малина, другая – смерти половина. Понял?

САША. Я тебе дам вот половина!

ТОЛИК. Замолчи. Ты не любишь Родину нашу.

САША. Да в рот и в нос ваши перелески и горки! Я хочу на море! Я хочу на море жить! Толя, Толян! Я сбежать хочу, я задыхаюсь тут! Я хочу на море! Море этой мой кот Чичирка с утра до ночи готов лежать у меня под боком, чтоб я его гладил, а он будет урчать, урчать, снова и снова под мой бок лезет, да так надоест, что скажешь ему: «Да – отстань ты уже ради Бога!!!». Он посидит, полизет лапы и снова лезет под бок, и снова, чтоб я его погладил. Толян, я подхожу к морю, вхожу в него, я всегда кричу: «Чичирка, привет!», а потом, в воде кричу от хохота: «Чичирка, отстань!» Море - большое-пребольшое и такое редкое, ласковое животное! Оно любит тебя! Ты подходишь к морю, и оно бежит к твоим ногам, будто здороваётся, оно – живое, оно – тебе радо. И начинает играть, ластиться. Ты входишь в воду – море чуть обнимает твои ноги и балуется с тобой. Делаешь еще шаг, принимаешь игру – море тоже радуется игре, волна катит больше, веселее, окатывает ноги. Ты смеешься, холодно пока, еще шаг – море окатывает тебя с ног до головы и движется, шумит, радуется, что ты пришел, и море хочет долго-долго с тобой играть! Будто оно живое, будто для него всё-всё - игра какая со мной и больше ни с кем. Море похоже на моего кота: лезет и лезет, любит и любит тебя, и хочет, чтоб с ним ласкались! Я хочу на море, Толян! Я не хочу тут! Я приезжаю домой, открываю двери, Чичирка дома, мама его кормила все дни. Он сидит, смотрит на меня и будто говорит: «Где ты был столько времени?!» Потом бежит, чтобы я его погладил. Я ему говорю: «Здравствуй, Чичирка, здравствуй, море моё!».

Плачет.

А тут нет моря у вас, Толян! Тут выжженные пустые улицы, дома-«хрущёвки», в них тоска, тоска одна, нет радости, нету любви, Толян?!

Молчание.

ТОЛИК. Тихо, тихо, не плачь. Никто никуда не поедет. Ты восемь лет подряд ездешь в Турцию. Две недели потом бесишься, сходишь с ума. Рвешься куда-то. Некуда ехать. Приехали. Приехали. Тут хорошо, на Родине. Тут неформально. Поплачь, пройдет.

САША (плачет). Кто она мне, твоя жена, моя мама? Что я имел от нее? Зачем она меня таким сделала? Крылья! Крылья! Где они, крылья?! Суп сварили из них давно! Дура! Вбила мне в башку, зачем, зачем?! Почему она мне тогда, в детстве, не сказала, что жизнь – такая, а не другая?! Почему она меня обманула? Это она меня таким сделала! А сейчас тебя подсылает, меня уговаривать, чтоб я никуда не ехал? А сама боится? Боится посмотреть на меня? Я зачем ей сейчас-то нужен, зачем?

ТОЛИК. Тихо, тихо. Затем. Жизнь должна идти тихо и размеренно, своим чередом. Не надо в ней ничего менять. Потому что что-то сломается, а потом ломается всё. Построить трудно, а сломать быстро. Пусть всё будет как будет. Не надо трогать. Это ведь как пузырь, дом под водой, проткни – зальет, затопит, разрушится мир, разрушится всё. Не надо топить ничего.

САША. Не надо, не надо ... Ага, не надо.

ТОЛИК. Ничего. На будущий год снова съездишь ... Съездишь, отдохнешь. От луку нашего. От муки нашей.

САША. А потом - опять луком торговать?

ТОЛИК. Почему? Иногда ведь и овощи завозят. И фрукты из разных стран. Бананы там, апельсины всякие ... Тихо, тихо. Скорей бы ночь прошла, да снова на работу. Брызгай как я, давай, на лук, давай, брызгай на лук и брызгай ...

САША (плачет). Ты подкаблучник ...

ТОЛИК. Давай, давай, обзови меня всяко, я вытерплю. Люди болеют, потому что их никто не любит. Кого-то надо любить. И тебя будут любить.

САША. Никого мне не надо! Наелся! Хватит! Звони ей, скажи – не поеду я никуда.

ТОЛИК. Тихо, тихо, не плачь. *(Пауза)*. Санек, я с Тамарой когда сошелся, то на первые поры всегда приносил ей цветы живые. А она сказала вдруг: «Не приноси мне цветов, Анатолий, не покупай. Они стоят в вазе, умирают, и я умираю вместе с ними». И когда она это сказала, я так влюбился в нее. Я увидел в ней такого красивого человека, а я – рямок такой ... Что я мог ей дать? Только любить ее и ухаживать за ней.

Открыл дверь, встал, смотрит на улицу, на капли с крыши.

Был у меня дружок, царствие ему небесное. Звали его тоже Толик, как и меня. Прошло много лет, я теперь стал так сильно вспоминать Тольку. Как мы с ним в молодости, когда денег не было, суп из костей варили. Он придет ко мне, два кило костей принесет, на них мяса ни капельки, мы большую кастрюлю супу сварим, на пол поставим, едим ложкой из кастрюли. Сидим, гомырой запиваем, смеемся, умираем от хохота, радуемся чему-то. А потом приключений по городу искали, гуляли. *(Пауза)*. Ходил он неприкаянный всю жизнь, никому не нужный. Везде нужный и нигде. Пил, пил, спивался и скоро дом потерял. Приходил ко мне, я как раз начал с Тамарой жить, а я, чтоб он отвязался только от меня, что-нибудь суну ему в карман, денег, или дам еды, какой-то одежды и гоню вон, вон его. Потому что неприятный он стал, опустился. *(Пауза)*. И всё. Потом нашли его мертвым зимой возле ворот рынка. Замерз. На улице замерз. Похоронили как безвестника. *(Пауза)*. Я поехал туда, на кладбище, в лес, где всех хоронят безвестников. Нашел его могилку. Маленькая-премаленькая. Сел на землю, на глину красную, светило солнце, сосны вверху шумели, я сидел, и пил, и говорил с Толькой. Потом лежал на земле и смотрел в небо. И думал про эти кости, как мы варили с ним суп из костей, и ели, и курили «Беломор», и смеялись, и было весело и было наплевать на всё. И не хотели умирать, и умирать не хотел никто, никто. *(Пауза)*. Он любил всех, а его не любил никто. Потому он и умер.

Молчание.

Ты знаешь это, да?

Молчание.

Спит. На прилавок лег. Солнце его разморило весеннее и уснул. Санёк? У нас зима кончается, а в Турции уже сезон в самом разгаре. Спит, Турцию свою видит.

Молчание.

Ну. Спи. Летаёт, поди.

Пересыпает мелочь из руки в руку, плачет, копейки звякают, падая в тарелку.

Плачет. Молчит.

**Снял с головы Саши бандану с полумесяцем, повязал себе на голову.
Фонарь на столбе, что у киоска стоит, качается.
Уже вечер.
Никто не идет за луком.**

Темнота

Занавес

Конец

июль 2010 года

село Логиново